

40.6 (2P-4Kpa)

43-101x

К 639
П 27

МИХАИЛ ПЕРЕВОЗЧИКОВ

дары ГОЛУБОЙ ЦЕЛИНЫ

639
П27

МИХАИЛ ПЕРЕВОЗЧИКОВ

ДАРЫ
ГОЛУБОЙ
ЦЕЛИНЫ

О черк

Хакасская областная
БИБЛИОТЕКА

КРАСНОЯРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1968

215903 7/3 К

Мы часто говорим об охране природы, однако бездумно подчас продолжаем обкрадывать фауну и флору, а в первую очередь — себя и своих потомков. А ведь природа наша очень щедра, когда чувствует хозяйские руки. Пашня отзывается на заботу добрым колосом, луг — хорошим разнотравьем, озеро — обилием рыбы.

В очерке «Дары голубой целины» автор — журналист М. Перевозчиков рассказывает о рыбных богатствах нашего края, поднимает вопросы правильного ведения рыболовства и рыбоводства на примере Камыштинских прудов (Хакасия), где минувшей осенью подсобное хозяйство шахтеров Черногорска вырастило сто тонн карпов, показывает ту выгоду, какую можно получать со многих «диких» озер, если за дело взяться по-хозяйски.

Михаил Семенович Перевозчиков

Фото автора.

ДАРЫ ГОЛУБОЙ ЦЕЛИНЫ

Художник **В. А. Тодыков.**

Редактор **З. А. Кофман.** Худож. редактор **Р. И. Знаменщикова.** Техн. редактор **Л. А. Климанова.** Корректоры **О. В. Сиротина. Л. С. Мемнова.**

Сдано в набор 2.XII.67 года. Подписано к печати 20.II.68 года. Объем 2,22 уч.-изд. л., 2,31 п. л., 2,15 а. л. Формат бумаги 84х108^{1/32}. Заказ 10758, тираж 3000 экз. Цена 6 коп. АЛ01449.

Красноярское книжное издательство, г. Красноярск, пр. Мира, 89. Тип. «Красноярский рабочий», г. Красноярск, проспект Мира, 91.

Вот таких карпов продают во многих магазинах города Черногорска.

водства, то есть надо разводить рыбу в искусственных и естественных водоемах.

Очень своевременно крайком партии позапрошлой осенью вынес постановление о мерах по дальнейшему развитию рыбного хозяйства в крае, об улучшении качества и ассортимента рыбы. Согласно этому постановлению, например, только в Уйбатской степи (Хакасия) намечено строительство полносистемного прудового хозяйства с перспективной отдачей 10—11 тысяч центнеров рыбопродукции в год. Это говорит о том, что назрел вопрос о бережном и рациональном использовании природных богатств, что любой водоем, дальний или ближний, надо поставить на службу народному хозяйству. Ведь не случай-

но теперь каждое хозяйство обязано развивать побочные промыслы. Так почему же, имея возможность, тому или иному хозяйству побочный промысел не сделать рыбным? Ну какой, например, из меня председатель колхоза, если в окрестности протекают речки и есть масса озер, а колхозники, кроме привозной сельди, иной рыбы не видят?..

Коль скоро об этом зашел разговор, не могу забыть Черногорск, где минувшей осенью мне предложили купить живых карпов. Причем не на берегу речки или озера, а в магазине, безо всякой очереди и по довольно сходной цене — семьдесят копеек за килограмм. И это в городе, окруженном степью, где поблизости не протекает ни единой речушки.

Удивительно, что покупатели заходили в магазин не с «авоськами» и хозяйственными сумками, а несли ведра и бидончики, словно тут испокон веков торговали живыми карпами. Я невольно потянулся к фотоаппарату. На весах очередное ведро. Рядом — бочка с рыбой.

— Вам каких? — спросила продавец.

— Вот этого, пожалуйста, этого... — Покупатель целил пальцем в бочку, а продавец тут же подхватывала

трепещущего карпа и, взвесив его, опускала в ведро. Всплеск, брызги, улыбки... Очередной «улов».

— Откуда у вас такие красавцы? — поинтересовался я.

— С Камышты. Там идет лов. Сегодня мы продали уже несколько бочек...

О Камыште я знаю давно, когда на речке начинали строить первую небольшую плотину. Это было в пятьдесят седьмом году. Плотину насыпали с благой целью: у запруды скопится вода, и там можно будет разводить рыбу. Не получилось. То ли по недосмотру, то ли по неопытности, но той же весной плотину частично смыло, мальков карпа разнесло по всей речке, а остатки погибли зимой. Вода в котлованчике упала на нет, всю зиму в толще льда ни просвета — какая же рыба выживет без кислорода?

Когда прикинули по-хозяйски что к чему, хлопот и затрат предстояло не меньше, чем, скажем, при организации крупной животноводческой фермы. Однако идея была заманчива, а перспективы настолько очевидны, что отдел рабочего снабжения города угольщиков выделил посильные средства для строительства на Камыште настоящих плотин и водоемов.

Мне довелось видеть и продолжение стройки. Помню, возле очередной плотины гудел маленький экскаватор, два или три самосвала, урчал бульдозер. А рядом небольшая избенка, где жили рабочие и девушка-ихтиолог.

Я заехал к ним во время своих степных странствий и застрял на несколько часов, увлеченный радостью человеческого общения после молчаливой и печальной степи.

Вначале девушка настороженно и односложно отвечала на все вопросы, явно давая понять, что горести и беды на Камыште касаются лишь ее, молодого специалиста. Но постепенно мы разговорились.

Да, трудностей там хватало: не устроен быт, даже за хлебом приходится ездить в дальний поселок, близко нет ни одной подруги. Может, молодая хозяйка намерена отсюда бежать? Нет, об этом не задумывалась. Обещали устроить и то, и другое, и третье... Надеется. Верит. В такой дали без веры не проживешь. А в общем-то ей очень обидно, что директора подсобного хозяйства меняются один за другим, каждый из них смотрит на раз-

ведение карпов как на что-то не от мира сего. Вот если бы разводить тут гусей или уток, рассуждали некоторые, — и корма нашлись бы, и помощники, и оборудование для лаборатории... А карпы что — кто гарантирует, будет ли от них прок? Дело-то новое, по всей округе никто еще не занимался разведением рыбы.

Молодой ихтиолог тоже не могла гарантировать, будет ли «прок», потому что выпущенным карпятам исполнилось всего по нескольку дней. Так и сказала: «карпятам» — словно речь шла о любимых питомцах.

Мы говорили о будущем Камышты, любовались малышами-карпятами в соседнем пруду. Девушка преобразилась. Чуть-чуть фантазируя, она изобразила окружающую долину в цветущих яблонях и тополях, где наперекор суховеям поднимется тут стена зелени, и тогда любой турист или просто случайный путник вроде меня не преминет заглянуть в Камышту, чтобы рассказывать потом об этом оазисе по всем степным улусам...

Я слушал и верил, радуясь молодому ее энтузиазму.

Но память хранит и другое. Прощаясь, молодая хозяйка прудов кивнула на портативный приемник, и голос ее выдал чуть-чуть грусти:

— А у нас тут ни радио, ни телефона...

Она хотела добавить еще что-то, но машина уже тронулась, над прудом у дороги осталась одинокая фигурка. Ветер трепал светлые волосы, подол белого платья... На фоне сереющих гор — единственное белое пятнышко.

Какая-то неудовлетворенность преследовала меня после этой встречи. Действительно, условия не ахти какие, место необжитое. Трудно начинать новое дело в безлюдной степи! Даже помощи не докричишься, если что — до ближнего жилья больше тридцати километров. И тут же другие мысли: «А разве не так обживают новые места?..» Вспомнились строки из поэмы Михаила Демина: «Стройки начинаются с костров...» А тут и костер разжечь не из чего — ни единого кустика. Вокруг горы, по сторонам дороги темнеют щербатые валуны, а на фоне дальней степи сереньким облачком пылит отара овец...

Эта картина мне виделась очень часто.

Вот почему, глядя на живых карпов, привезенных с Камышты, невольно вспомнилась та девушка-ихтиолог. Неужели она вырастила таких красавцев? Значит, своего добилась. Молодец!

Но, оказалось, теперь на Камыште другой хозяин. Мужчина. Причем пожилой, давно на пенсии. Фамилия — Кондратьев.

Бывают моменты, когда одно имя, случайная фраза или даже позабытый жест вдруг напоминают такое, что ты невольно и сразу представишь события давних лет. Так получилось и на этот раз. Неужели на Камыште тот самый Кондратьев?.. Правда, я забыл как его звать-величать...

В канун войны в нашей деревне построили запруду для новой мельницы. Приехавший из города мельник Кондратьев оказался на редкость мастеровым, но главное — зачастил в нашу начальную школу и очень подружился с учителем, которого мы слушались и почитали не меньше, пожалуй, чем родного отца.

Кондратьев однажды пришел в наш класс и заговорил о «промое» — рядом с деревней была такая протока, где каждой весной чуть ли не все жители ловили «заморную» рыбу. Дело в том, что при весенних паводках протоку заливало, она обновлялась свежей водой, но в иные годы такого обновления не случалось, к осени протока мелела, а зимой подо льдом рыба начиналадохнуть. Примерно в марте стоило пробить на промое лунку, как тут же в нее набивались окуни и лини, ельцы и сорога. Они задыхались, жадно хватали воздух — рыба «просилась» в сачки. Протока «ничейная», дармовой рыбы полно — хватай кто сколько может! Об охране рыбы, конечно, никогда никто не думал. А мельник предлагал спасать. Мы со дня на день ждали сигнала, чтобы с пешнями и ведрами бежать на промой за рыбой, а тут на тебе — «спасать!»

Кондратьев и наш учитель решили в новом пруду разводить линей. А где их взять? В протоке. Надо лишь выждать день, когда рыба «пойдет» к лункам, и долбить широкие майны, чтоб к воде поступало как можно больше кислорода. В это время и надо успеть выловить линей, а другая рыба пусть остается, она не «уснет», если майны несколько дней «держат» открытыми, не давать им замерзнуть, пока ельцы, окуни и остальная мелочь не уйдут в глубину.

Это было для нас целым открытием! Мы, оказываемся, можем не только спасти тысячи рыб, но и ухаживать за ними.

В тот же день наш класс писал объявления, в которых предупреждалось, что отныне школа берет шефство над протокой, где в момент «замора» категорически запрещается ловить любую рыбу. Словом, протока объявлялась заповедной. Утром эти объявления на обычных тетрадных листочках запестрели чуть ли не по всей улице. Некоторые над затеей посмеивались, но большинство приняло ее всерьез — особенно после общешкольного собрания, когда учитель и мельник рассказали о цели такого запрета.

Примерно через неделю один из наших мальчишек, дежуривший возле контрольной проруби, прибежал с возгласом: «Показались! Пора! Скорее!» Мы расхватили приготовленные пешни и ведра, всей школой устремились к протоке.... О, что творилось на льду! На помощь пришли даже взрослые. На протоке допоздна ухало и плескалось, с тазами и ведрами мы носились от майны к майне, собирая улов, тут же бежали к мельнице, где Кондратьев осторожно опускал под лед принесенных линий. Он считал их и радовался, дескать, через лето каждый из нас может хоть сколько наудить здесь рыбы.

Всему помешала война. В то же лето наш учитель и мельник ушли на фронт. Вскоре получили извещение о гибели нашего любимого учителя, а от Кондратьева — ни одной весточки. Лини между тем размножались и росли, в тяжелые годы войны мы не раз вспоминали добром тот суматошный день — ведь рыба кондратьевского пруда была хорошим подспорьем для каждой семьи.

Вот и представьте мое душевное состояние, когда я вновь услышал знакомую фамилию. Неужели на Камыште тот самый Кондратьев? Небольшого роста, преклонных лет, любит возиться с рыбой... Мне не терпелось попасть на Камышту. Еще бы! В каком городе Сибири можно купить свежую живую рыбу? А здесь, в Черногорске, — пожалуйста, приходи и бери. Неужели ее вырастил тот самый Кондратьев?

* * *

На одной из тихих улиц Черногорска шофер завернул к своему домику, шагнул к воротам и нырнул в калитку. Не успели мы закурить — калитка стукнула вновь, и рядом показались руки с газетным свертком и веткой черемухи.

— Вчера внимания не обратил, а сейчас гляжу — поспела!

Он приладил ветку у смотрового стекла, чему-то улыбулся и добавил:

— Веселей ехать будет. В степи такой красоты не сыщешь...

Впереди больше ста километров, там — Камышта. Дмитрий Петрович Малеев, мой спутник, которому кроме всей торговли города подчинены Камыштинские рыбные пруды, вселил надежду, что, может быть, Кондратьев — это действительно тот мельник, потому что, судя по анкете и разговорам, за свой годы он перебрал уйму профессий.

— А что, летун? — спросил я.

— Да нет, не скажешь. Старый коммунист, в личном деле масса благодарностей. Правда, был один грех...

— ?!

— Приедем на место — поинтересуйтесь. Он лучше расскажет, старик занятый...

Что ж, на месте так на месте — в нашем деле предвзятое мнение о человеке иногда вредит.

Лавируя по пропыленным улочкам Черногорска, откуда начинаются шахты, мы забыли о черемуховой ветке — с пугающим шумом навстречу то и дело неслись грузные самосвалы, мелькали терриконы... Шофер искал в путанице дорог свою колею, пока впереди не легла одна единственная, — и тут, как только машина плавно и торопливо набрала скорость, на фоне пустынной степи взгляд снова поймал трепыхающиеся под ветром несколько листочков и кисти спелых ягод. Безлюдный пейзаж оживляли только они. Вокруг унылая даль, однообразная до горизонта, носятся перекати-поле да кое-где маячат курганы. Холм, торчат каменные плиты, как изваяния, а на них — коршуны. Невольно вспоминаешь картину Васнецова «На распутье». Только здесь направо пойдешь — степь, налево — тоже степь. Лишь ветка черемухи обретает какой-то смысл, напоминает о доме, о садах, навеивает раздумья. Не случайно у нас сразу же зашел разговор о том, что жители города угольщиков каждый год высаживают сотни новых деревьев. Степной город действительно утопает в зелени.

Невольно сравниваешь: довелось видеть много таежных деревень и сел, окрестности которых теперь выруб-

215903

лены, возле домов редко где встретишь куст черемухи или березку. А ведь житель степи, наоборот, норовит обгородиться зеленью. Парадокс. Что нам в избытке дала природа — мы не всегда ценим и пользуемся этим разумно, а чего лишились — начинаем об этом жалеть. Так же и с этой степью. Когда-то здесь были вольготные пастбища и кустились зеленью многие луговины, а как распахали их — пыльные бури вымели кое-где начисто плодородный слой почвы, началась ветровая эрозия. Это что — людская бесхозяйственность или закономерность бытия?..

В общем, ветка у смотрового стекла рождала новые и новые мысли, пока замкнутый круг рассуждений о взаимности человека с природой не прервал шофер:

— Смотрите, озеро Красное!

— Здесь мы тоже пробовали разводить рыбу, — заметил Малеев.

— Ну и как?

— Без толку. Затратили несколько тысяч рублей, а пользы — на грош.

— Почему, Дмитрий Петрович? — вмешался шофер (в голосе явная ирония). — На днях один мой знакомый вытащил здесь сазана килограммов на пять. Сразу на три с полтиной выудил, а вы говорите...

— Что говорю? — Малеев, видно, не уловил иронии.

— Да нет, я так... Действительно, жаль озера.

— А мне, думаешь, не жаль?..

Малеев — инициатор строительства прудов и разведения карпов. В Черногорске кое-кто называет его «рыбным богом» — за глаза, конечно. В течение многих лет на всех пленумах, сессиях и активах он начинает или заканчивает свое выступление обязательно вопросом о рыбе. И не потому, что мало других забот у начальника рабочего снабжения целого города, — просто видит в этом обоюдную выгоду для своего торга и населения. А забот у него действительно хватает. Шутка ли, своевременно обеспечить всем необходимым более пятидесяти тысяч человек! В городе другой торговой сети нет, только ОРС. О масштабах работы можно судить по товарообороту: около сорока миллионов рублей в год! Почти в четыре раза больше при таком же населении, чем было десять лет назад, когда Дмитрию Петровичу поручили руководить ОРСом. И вот при таких

масштабах работы он все-таки уделял и не перестает уделять рыбоводству своего подсобного хозяйства самое пристальное внимание.

Это он, вопреки всему, настоял (когда в пятидесятые годы многие предприятия ликвидировали подсобные хозяйства), чтобы для шахтеров сохранить побочные промыслы. Видел, как говорят, завтрашний день. От содержания коров и свиней сразу же отказался — зачем, если рядом с городом есть совхоз? — не напасешься кормов, пастбищ и так не хватает. Попробовали держать уток — тоже не оправдали затрат. Тогда начали разводить кур и рыбу. Теперь, если по нарядам от государства Черногорск получает в год миллион яиц, то свое хозяйство даст уже полтора миллиона. Все идет к тому, чтобы совсем отказаться от получения яиц по нарядам. Теперь свежие яйца в любое время есть в любом продовольственном магазине города, не говоря уже о шахтерских столовых, куда свежие продукты поступают в первую очередь.

При разумном хозяйствовании одна отрасль сопутствует другой, как бы помогает становиться на ноги. Птицеферма дает огромную прибыль, подсобное хозяйство ОРСа уже несколько лет работает рентабельно. А прибыль идет на строительство жилья и складских помещений, расширяются и благоустраиваются рыбные водоемы, на вырученные деньги от реализации собственных продуктов заложен для шахтеров большой фруктовый сад. Недалеко время, когда на прилавках черногорских магазинов появятся свои яблоки, малина, смородина, виктория, как появилась рыба. От рыбоводства в перспективе ожидается большая выгода.

А какое отношение ко всему этому имеет озеро Красное? Почему мои спутники говорят о нем с таким сожалением? Малеев сказал и умолк, провожая взглядом зеркальную гладь, у кромки которой маячат редкие рыболовы с удочками. Значит, рыба здесь все-таки водится?

— Так-то оно так, — ответил Малеев, — только вопрос, какая водится рыба? Ерши да окунишки с мизинец остались. А ведь мы сюда несколько тысяч сазанов и карпов выпускали...

Уже имея какой-то опыт по разведению рыбы, в свое время Малеев сумел убедить руководство Хакасской автономной области, что на озере Красном можно выращивать карпов. Озеро близко от города, водоем около

шестисот гектаров — отсюда, как минимум, можно брать ежегодно 100—120 тонн рыбы. До этого на Красном зимой и летом «паслись» сотни рыбаков-любителей, никто за озером не следил, оно заиливалось и мелело. И вот передали его подсобному хозяйству. Сразу же начались работы по восстановлению канала от Уйбатской оросительной системы, чтобы в озере освежить воду, соорудили дамбу, выпустили несколько тысяч мальков сазана и карпа. Даже кустарник высадили с одной стороны озера, чтобы от наносов земли не мелели берега. Однако плодами своих трудов подхозовцам пользоваться не пришлось. Почему? Да потому, что якобы сотни человек возбудили ходатайство о возврате этого водоема обществу рыбаков и охотников, дескать, в часы досуга людям негде отдыхать. Причем общество обязалось содержать озеро в полном порядке.

Словом, озеро передали обществу. И что же? Теперь оно вернулось к прежним берегам, обмелело, кусты исчезли, а «любители» зачастили сюда с неводами и сетями всех размеров. Правда, некоторым еще удастся поймать «подхозовского» карпа или сазана килограммов на пять или шесть, но такие удачи редки. Крупная рыба исчезла, восстановленный канал заиливается, естественную пищу водоема поедают миллионы окунишек и ершей. Именно миллионы! Величиной с палец, а то и меньше, эта армия «выжила» из озера даже щук.

Конечно, не зная биологии рыб, можно усомниться: как это ерши или окуни могут выжить из озера щук? Ведь щука — хищник. Неужели ерши съели щук? Признаться, я тоже сомневался, пока не услышал рассказ Малеева. Он, оказывается, давно переписывается со многими ихтиологами, имеет по «рыбным» вопросам книги и регулярно получает специальные журналы. Да, подтвердил он, в условиях Сибири в одном водоеме щука и ерши могут и не ужиться.

Дело в том, что весной, когда щука мечет икру, в холодной воде еще мало фауны беспозвоночных организмов (они не успели развиваться), которыми питаются ерши или окуни. За неимением другого корма они набрасываются на икру и пожирают ее — щука свою икру не охраняет. Представьте, что может случиться в конце концов, если из года в год в одном озере щука остается без достаточного поколения для воспроизводства. Конечно, она

тоже хватает любую рыбу, съедает, может быть, не один десяток в день, однако нельзя забывать, что на щуку гораздо больше охотников, нежели на ершей, — ведь каждому рыбаку хочется поймать только крупную рыбу. А вылавливая хищников, человек невольно помогает размножению «сорной» рыбы — ершей, пескарей, окуней.

В «диких» озерах Сибири такой процесс неизбежен, потому что запоздалое развитие микрофауны — а это зависит от низких температур воды — в той или иной среде «заставляет» рыбу приспосабливаться, что ведет к естественному отбору. Слабая и неприспособленная порода с годами остается в меньшинстве или вымирает совсем, а сильная — выживает.

Не случайно у нас столько озер, о биологических процессах в которых можно судить даже по названиям — озеро Окуновое, Щучье, Карасевое и т. д. Речь, конечно, идет лишь о тех озерах, куда не поступает свежая вода. В проточных водоемах картина иная, так как они «освежаются» новыми породами рыб. Однако в тех или иных условиях человек все равно может быть контролером, чтобы по его желанию в нужном водоеме «царствовали» именно те породы, которые выгодны. Как это делается — целая наука. Вот почему нельзя действовать без достаточной подготовки и опыта, если задумал приспособить то или иное «дикое» озеро для выращивания нужной рыбы.

Наш разговор вернулся к озеру Красному. Можно ли его очистить от «сорной» рыбы? Выловить всех ершей, конечно, нельзя, потому что мальки просеиваются сквозь любые ячеи невода, а спустить воду, чтобы заново разводить в озере нужную рыбу, дорого стоит. Ведь водоем необходимо заполнить вновь.

— И выход все-таки есть, — заметил Малеев. — Будь это озеро снова нашим, через несколько лет вместо окуней и ершей мы развели бы тут ценную рыбу.

— Значит, вы заинтересованы получить Красное даже в таком виде?

— В любом! Озеро богато естественными кормами. Не случайно ведь раньше водились тут ерши, как лапти, — по двести граммов вытягивали. Поймай таких парочку — вот и уха. А теперь эти ерши не больше мизинца. Почему? Да потому, что расплодилось их сотни тысяч. Весь корм подбирают. А мы бы вначале выпустили

в озеро судаков, да не десяток-два, а несколько сот, чтоб они ополовинили ершиное стадо...

Оказывается, судак — это своеобразный санитар. В водоемах Хакасии судак хорошо приживается, и быстро разводит потомство. Дело в том, что судак-самец стережет выметанную самкой икру до тех пор, пока из икринок не выклюнутся «головастики» и не разбегутся прочь. Не то что щука. Причем, если щука, даже маленькая, норовит схватить добычу покрупнее — лишь бы прошла в глотку! — не всегда обращая внимание на мелочь, то судак, наоборот, питается только мелочью. Даже пудовый судак — и такие бывают — кормится в основном рыбешками с палец. Вот и представьте, сколько такому надо ершей!

Судак хотя и прожорлив, но и полезен с другой стороны: если, например, щуку выпустить к сазанам или карпам, она сразу же начнет охоту за крупными, а судак не осилит даже годовалого, начнет искать помельче. Значит, для многих водоемов судак просто незаменим. Не случайно опытные рыбоводы, прежде чем заполнять какое-то озеро нужной рыбой, прежде всего выпускают туда судаков.

Познавая окружающий микромир и биологические особенности развития животных и рыб, человек глубже вникает в естество природы, что при разумном вмешательстве способствует развитию фауны и флоры, приносит соответствующую отдачу. Выходит, не зная особенностей развития микрофауны какого-либо водоема, нельзя утверждать его перспективы.

Вот почему так убедительны доводы моего спутника в отношении озера Красного, о котором этот человек знает почти все: анализ воды и температуру в разное время года, уровень зеркала воды, химический состав грунта, позволяющий развиваться тем или иным микроорганизмам для пищи рыб, взаимодействия этих рыб, их биологические особенности и т. д. Словом, прежде чем сказать «А» — какую отдачу можно иметь с этого озера, — он познал главное: что может дать это озеро.

Нет, совсем не случайно Малеева считают инициатором разведения карпов в степных водоемах, принадлежащих подсобному хозяйству города угольщиков, которые, судя по всем данным, к семидесятому году будут давать не менее двухсот тонн рыбы в год.

В этой связи мне вспомнилось водохранилище Красноярской ГЭС. Встречаясь с рыбоведами, которые принимали участие в подготовке к затоплению ложа Енисея, очищая от вырубок намеченные места лова, они рассказывали, где и какие будут рыбоучастки, что делается по разведению рыбы в новом море.

Водохранилище разлилось вдоль Енисея чуть ли не на четыреста километров. По берегам будет несколько промысловых рыбоучастков, запроектировано строительство крупного рыбоводного завода в Абакане, который ежегодно станет инкубировать десятки миллионов икринок омуля, осетра, пеляди, чира и других рыб, завозимых икрой из реки Селенги, а также с озер Енисейской и Пясинской систем. Кроме того, в среднем плесе Енисея намечается ежегодно вылавливать молодь осетра для перевозки его в новое море, где через 10—12 лет планируется отлавливать тысячи центнеров промысловой рыбы.

— А что будет с той рыбой, которая осталась за плотиной? — поинтересовался Малеев. — До строительства ГЭС рыбе было вольготно — гуляй по всему Енисею туда и обратно! А теперь, говорят, гибнет сотнями. К плотине подойдет — выше не пробиться...

Идущая на нерест некоторая проходная рыба действительно скапливается у плотины, часть ее гибнет. Это понятно — закрыт извечный путь. Однако долго так продолжаться не может. Например, после перекрытия Ангара плотиной Братской ГЭС многие виды рыб устремились в боковые речки и озера. Так, в притоках появилась стерлядь, хотя раньше в таких речках, как Бирюса, Чуна или Тасеева, она встречалась редко.

— Пока отыщет новые места, — заметил Малеев, — возле плотины ее вычерпают. Рассказывали, как на Волге или на той же Ангаре промышляют возле плотин браконьеры — только и ждут момента!

— Не совсем так, — возразил я. — У плотин — охрана.

— Разве за каждым уследишь?

— Следят. Мало того — помогают рыбе...

Минувшим летом я снова был на строительстве Красноярской ГЭС. Чуть ниже плотины на пятачке каменных россыпей темнела палатка. На фоне стройки — это малюсенькое пятнышко, но именно сюда в любой перерыв

— Будь здорова! — напутствует очередную стерлядь инженер-добытчик Тамара Васильевна Зотова, выпуская ее в водохранилище Красноярской ГЭС.

устремлялись десятки рабочих: интересно глянуть на «царскую» рыбу — возле плотины как раз шел отлов стерляди.

Раньше меня тоже донимала мысль: «Что будет с рыбой, когда построят плотину?» Через такую махину запросто не сиганешь, а ведь у многих рыб за барьером осталась родина — нерестовые речки и заводы. На помощь пришел человек.

У плотины мы познакомились с Тамарой Васильевной Зотовой, инженером-добытчиком Красрыбпрома.

— Значит, в нашем море стерлядь приживется? — поинтересовался я.

Зотова рассказала о биологических особенностях стерляди и кормовых запасах водохранилища.

— Безусловно, не все виды рыб можно и нужно вылавливать, чтобы переправить их за плотину в море. Не так-то просто, например, поймать и сохранить живым того же тайменя. При всей его солидности, в неволе он засыпает через несколько минут. К тому же таймени водятся как в верхнем, так и в нижнем плесе реки. Стоит ли их перевозить? Пусть живут и размножаются, где остались. Другое дело — стерлядь. Это же государственная ценность! В Америке, например, сколько ни бились над акклиматизацией осетровых рыб, сколько ни завозили их из России — не прижились. А в Красноярском море они жить будут, для этого есть все условия...

И вот мы с инженером Зотовой принимаем очередной улов. Неторопливо, но споро рыбаки выуживают из садка уже пойманных стерлядей и переносят их в машину, в брезентовый чан с водой. Носилки, другие, третьи... Вокруг масса любопытных, то и дело слышатся вопросы:

— Куда это их, а?

— Может, парочку продадите?

— Люди рыбу спасают, а ты — «продадите», — отпарировал кто-то.

Верно: спасают, заботятся об охране рыбных богатств. Неразумная рыба бьется о стенки бетонной плотины, рискует в пенистых круговоротах в поисках лазейки — напрасно. Обессилев, некоторые погибают. Вот почему рыбаки и спешат.

Мы разговорились с бригадиром. Приятная неожиданность — Константин Иванович Черняев, встречались на побережье Карского моря.

— Какими судьбами?

— Рыбак без воды не останется, — ответил уклончиво. И добавил: — Море теперь под боком — зачем ездить куда-то? И тут со временем будет настоящая рыбалка.

— Но ведь все-таки Север...

— Здесь тоже не обижаясь. За прошлый месяц каждый из нас получил по триста рублей. Платят по 84 копейки за килограмм живой стерляди.

— А если попадает другая рыба?

— Эту сразу же отправляем в столовые и магазины.

— Не страшно? — киваю на бешеный поток у плотины, где маленький катерок бросает, как щепку.

— Дело привычное...

От рыбаков мы заспешили на левый берег Енисея. Шофер повел машину осторожно, но ходко — знает, как обращаться с живым грузом, спешит не случайно. И не случайно за плотинкой ждет катер. При виде машины старшина-моторист катера сразу же включил двигатель. Мы быстро перегрузили стерлядей в брезентовый чан, стоящий на палубе, курс — в море, подальше от плотины. Чем дальше, тем лучше, а то уже были случаи, когда выпущенные стерлядки в тот же день скатывались назад через плотину.

В пути над «переселенцами» колдуют Валентина Гавриловна Толстихина и Владимир Быков. Ихтиологи. Стерлядей взвешивают, обмеряют, данные записывают в журнал. Каждой рыбине возле спинного плавника хирургической иглой ихтиологи «пришивают» маленькую полиэтиленовую метку — амулет, в которой герметично заделано письмо. В случае вылова этой стерляди, любой рыбак должен сообщить о дате и месте вылова по указанному в письме адресу: Красноярск, Енисейрыбвод.

Это очень важно. Ихтиологам нужно знать точную миграцию рыб в новом водоеме.

В самое молодое море страны минувшим летом было выпущено более двух тысяч стерлядей и около тридцати тысяч лещей, привезенных из Новосибирской области. Со временем тут получают прописку сазаны и карпы, судаки, омули, белый амур — десятки разных пород. Крупнейший водоем Сибири специалисты хотят превратить в рыбную житницу. Разве не по-хозяйски? Пожалуй, именно это водохранилище и может стать дубль-резервом тех естественных водоемов, которым пора дать отдых на несколько лет, чтобы они пополнились рыбными запасами. Такая система эксплуатации будет напоминать рыбооборот — как севооборот! — и даст возможность балансировать плановую добычу рыбы по всему краю.

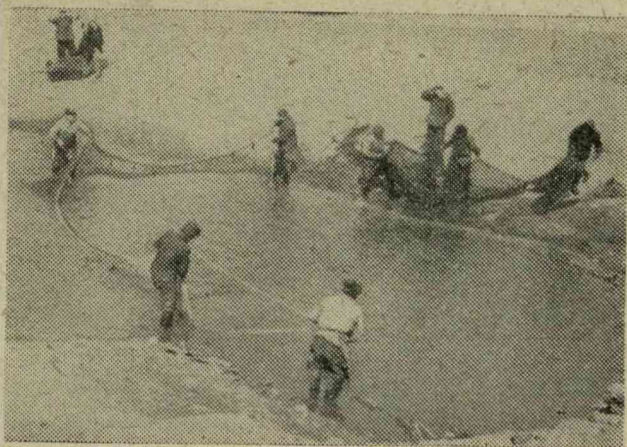
Вот о чем и шел у нас разговор, пока «Волга» пылила по степным просторам, оставляя позади хлебные нивы, отары овец и зеркальные пятячки редких озер, почти каждому из которых Малеев давал характеристику — можно или нет в этом озере разводить рыбу. Он, оказывается, прежде чем основательно заняться рыбным хозяйством, уже давно облазил все окрестные водоемы и о каждом имеет точное представление.

* * *

Камышта петляет меж гор, в иных местах — воробью по колено. А горы над ней — шапку держи. Правда, не крутобоки они, без ущелий и скал, однако после ровной степи, что пылилась навстречу от самого Черногорска, чувствуешь их величие. Все-таки не степь...

Машина нырнула в распадок, перевалила очередной подъем — и вот уже перед нами два пятистенных домика, а вокруг пучок зелени. Как хуторок. Этого здесь раньше не было. Чуть в стороне от жилья, по ходу петляющей речки, друг за другом поблескивают зеркальца вод.

Мы остановились, вышли из машины. Ветер нанес дымок, запах жареной рыбы. Рядом гудит шмель. Он явно не из этой округи, тут поживиться нечем — и все же настойчиво что-то ищет в пожухлой траве. Найдет ведь, прилетел не случайно. Шмель — предвестник доброй погоды.

Лов карпа.

Шмели приживаются даже в тундре. Только там они мохнатые, вроде бы в теплых шубах. А этот по-здешнему сер. И доверчив. Учужал ветку черемухи, что сникла у смотрового стекла,—мигом сюда. И тут же обиженно загудел: ветка-то уже исхлестана ветром, исчезли пьянящие запахи...

Наше появление заметили, когда «Волга» подрулила к одному из прудов. Особое внимание привлек фотоаппарат.

— Друг, щелкни на память.

— Давай всех!

— Небось, из газеты, да?..

Рыбаки в основном пожилые. В куртках и стареньких телогрейках — лучшего тут и не надо, все равно вымажешься — зато на всех добротные резиновые сапоги, прорезиновые передники.

Через объектив аппарата я ищу Кондратьева.

Четверо подтянули к берегу небольшой невод и тут же начали из него черпать золотистых карпов. Два-три взмаха сачком — полные носилки. Одну за другой их несут к машине, где рыбу вываливают в бочки с водой.

Любопытно, что лов карпов идет из маленького озера, как из лужи. А тут явно был пруд. Куда же делась вода?

Два-три взмаха сачком — полные носилки.

— Спустили,— пояснил один из рыбаков.— Из большого-то озера столько рыбы разве начерпашь? Суток мало, чтоб тонну собрать. А мы сегодня уже третью машину грузим.

— И все это на продажу?

— Мальков перевозим в нагульные пруды, им еще лето гулять, а этих,— кивнул на весы, где стояли очередные носилки с рыбой,— этих, конечно, в город.

Даже не верится, что эти широкоспинные карпы выросли за одно лето — каждый чуть ли не по килограмму.

— Сами дивимся: откуда что и берется,— улыбнулся рыбак.

Спрашиваю его о Кондратьеве.

— Макарыч-то? — Оглянулся по сторонам.— Только что тут был. Наверно, у водоспусков хлопочет.

— Вы давно его знаете?

— Не-е. Нынче летом познакомились. Мы ведь тут временные. Попросили помочь — вот и приехали. А Макарыч — он постоянный, хозяин...

Оказывается, все рыбаки — пенсионеры. И почти все — бывшие шахтеры. Артель. Свой бригадир, кашевар. Приехали не ради заработка — у каждого приличная пенсия. Просто их попросили, сказали, что они здесь нужны. Вряд ли найдется среди пенсионеров, кто бы не откликнулся на такой зов. Тем более — на свежем

Под строгим учетом каждый килограмм улова.

воздухе! А какой шахтер не любит природу? Каждый из них отдал четверть века шахте, годы работал под землей. У Василия Киреевича Давыдова, например,— он бригадир — на ладонях до сих пор темнеет угольная пыль. По двадцать лет вместе с ним рубали уголек Василий Александрович Самков, Андрей Тимофеевич Тищенко, Анастас Поликарпович Седов и другие. Есть еще порох в пороховницах! К тому же в душе каждый из них рыбак и охотник. Приехали сюда, глянули — батюшки, так ведь тут доброе дело затеяно! Остались еще на неделю. Тут плотину подправят, там обвалился берег, нужна крепь... Работы хватает, не в гости ехали. Теперь поговаривают: не взять ли над прудами постоянное шефство?

— А что, дело говорят мужики,— заметил бригадир.— У нас в Черногорске пенсионеров несколько тысяч. С такой армией горы можно свернуть. А Макарыч никого не оставит без дела, у него не заскучаешь...

У водоспуска ближней плотины я решил сфотографировать «лужицу», где вода прямо-таки кишела рыбой. Когда приблизился, вся эта рыба затеяла невероятную пляску. И тут от плотины раздался сердитый и повелительный голос:

— Отойдите! Не пугайте рыбу!..— Навстречу невесть

Лов рыбы в «лужице».

откуда вынырнул старик. Телогрейка вымазана илом, в руках, подобно ружью, сачок.

— Отойдите, вам говорят! Сегодня рыба и так напугана...

Теперь, в общем-то, понятна эта строгость к незнакомцам — немало приезжает сюда любителей рыбки.

— Не вы будете Кондратьев? — спросил я.

— Ну.

Нет, это не тот Кондратьев, который запомнился в канун войны. Этот — Тихон Макарович — до войны действительно перебрал уйму профессий, пока не выбрал любимую, но в наших краях не был.

По образованию он инженер-ихтиолог, в сороковом году окончил Томский университет, много лет работал научным сотрудником и рыбоводом.

— Интересно, что же заставило вас изменить спокойной старости? Как-никак шестьдесят пять — годы, пора и на отдых.

— Э, какие годы! Работа по душе — вот главное...

У нас зашел разговор о предшественнице — той самой хозяйке прудов, которая мечтала превратить Камышту в оазис.

— Уехала Танюшка, не прижилась... — Старик посмотрел на горы, на ложбину, помолчал. — Видите, проша-

гаешь десятки верст и никого не встретишь. Разве отару овец да саманный домик пастуха. А ее дело молодое — хочется и потанцевать с кем-то, и с подружками посумерничать... Уехала. Слышал, кого-то встретила, кто-то пришелся по сердцу. Выходит, за судьбой уехала. — Кондратьев снова умолк, чему-то улыбнулся. — Говорят, от добра добра не ищут. Верно, человек сыт не хлебом единым. Вернулась бы теперь — может быть, прижилась. Теперь и радио у нас — слушай хоть круглые сутки, своя электростанция, на днях телефон провели. Что телефон или радио

— телевизор скоро будет! Пока испытываем — возьмет ли? До Абакана тут более ста верст. Говорят, возьмет. Станция Капчалы еще дальше нас — там смотрят...

Тихон Макарович живет тут с ранних оттепелей и до ледостава, хотя в Черногорске благоустроенная квартира со всеми удобствами. Наведается к семье, перехватит смену белья — и снова сюда. На ногах с утра до ночи, иной раз и побриться некогда. Привык. И вставать рано привык, и поздно ложиться. Днем заскочит в комнату, на ходу пожует — и дальше. Ежедневно фиксирует уровень воды каждого водоема, наличие кормов, заносит в журнал записи о проделанных работах, о поведении рыбы, о погоде. Жаль, нельзя в этом журнале рассказать о своем настроении! А личные дневники пока никому не доверяет.

— Да так, — отмахнулся, — может, никому не нужные стариковские мысли... Идемте в избу.

Тихон Макарович Кондратьев,
хозяин Камыштинских прудов.

За стеной его комнаты общежитие рыбаков. Койки заправлены чистыми одеялами, на тумбочке — приемник. А в соседнем доме живут пять семей. Постоянные рабочие и сторожа. Над двенадцатью прудами, площадью около ста пятидесяти гектаров, досматривают восемь человек. Каждый пруд требует к себе внимания. Хозяйство! Причем гораздо капризнее и сложнее, чем обычное. Подводное царство живет по своим законам, любая ошибка человека может обернуться непоправимой бедой.

В Камыште пруды нагульные, зимовальные, выростные, нерестовые. В определенное время года каждому из них нужен свой уровень воды. Прогляди, скажем, этот уровень зимой — все погибло. Непроницаемым панцирем лед сдавит зеркало воды, осядет на кромки берегов — и все поголовье карпов может задохнуться от недостатка кислорода.

Система регулировки воды здесь довольно проста. В насыпь, отделяющую каждый пруд вдоль русла речки, заделан «монах» — бетонированное сооружение для водосброса. В «монах» закладываются обычные толстые доски-шандоры. Верхние шандоры напоминают рамы с фильтрующими сетками. Нужно в каком-то пруду поднять уровень воды — у соседнего «монаха» вынимают одну или две шандоры, на их место вставляют рамы, чтобы вместе с поступающей водой не проскользнула рыба, потому что в каждом пруду рыба «своя» — мальки, сеголетки, производители...

Пруды по руслу Камышты разбросаны на многие километры. Вот и успевай всюду держать нужную воду! И все на своих двоих, никакой транспорт тут несподручен. Причем в день иной раз приходится исколесить водоемы дважды — так что иногда некогда присесть.

Обо всем Кондратьев рассказывает со знанием дела. Да, говорит, затраты на строительство водоемов и сооружений обошлись подсобному хозяйству в десятки тысяч рублей. Но все это окупится в ближайшие годы.

— Нынче уже планировали взять товарной рыбы больше ста тонн. Не получилось, лето подвело. Очень уж холодное лето стояло, а при температуре воды ниже четырнадцати градусов карп пищу не берет. Вот и прощитались маленько — поймали только сто тонн. И то в два раза больше прошлогоднего...

Прикидываю: водоемов имеется сто пятьдесят гектаров, с каждого гектара запланировано взять по пять центнеров рыбы — по сто тонн не получается.

— А у нас еще в двух местах нагульные озера есть, — заметил Кондратьев. — Возле станции Оросительная и на речке Бидже. Но там затраты на освоение озер незначительные. Это лишь тут, на центральной базе, надо было сделать все как положено. Здесь мечут икру самки, вырастают мальки, нагуливаются. А в те водоемы отправляем уже окрепших, проверенных. Нынче осенью в тех озерах снимали первый урожай — ничего, центнера три дал каждый гектар, затраты почти оправданы. Будущей весной туда завезем еще тысяч триста мальков.

Мальков карпа перевозят в обычных цистернах с водой. Мороки, конечно, не оберешься. Во-первых, каждая рыбка должна быть на счету — с этим у Кондратьева строго. А их сотни тысяч — попробуй учти! Меряют обычным ведром, куда входит около четырехсот штук. Расхождения бывают в пять-десять рыбок. Перед отправкой малышей обязательно купают в соленой ванне. Пять минут. Это для профилактики, чтоб не занесли в другой водоем какую-нибудь инфекцию. К тому же такой спартанский метод позволяет делать естественный отбор. Выдержит малек процедуру — расти, гуляй на здоровье! Уснет после ванны — потеря невелика, все равно такой не жилец.

Миллион проверенных карпов обитает сейчас в хозяйстве Тихона Макаровича. И весь этот миллион прошел через его руки. Не случайно рыбовод рассказывает о них с такой теплотой:

— В солнечный день выйдешь на плотину — узнают ведь, скопом за тобой ходят. Взрослые, конечно. Малыши — те несмышлениши, каждого жеста боятся. А эти, взрослые, подачки ждут, завтрака. Только ступил в лодку, шевельнул веслом — тут как тут. Едешь, разбрасываешь корм, а иные двухлетки сигают прямо в лодку. Так весь путь за тобой и следуют, пока есть мешанина. Доверчивые. Это и худо подчас. Подмани их в кучу пригоршней крошек, подведи сачок — вот тебе и улов. А некоторые карпы по несколько килограммов. Осенью от браконьеров отбоя нет. Знает ведь, сукин сын, что пруды заповедные, нельзя трогать рыбу — нет, норовит зацепить. А какой прок, ежели он рыбак настоящий, — для

души-то ничего не остается, одна пакость. Хищник! Выхватит из пруда рыбину да норовит покрупнее, а крупной-то как раз цены нет — может, производитель это! Ему минутное удовольствие, а тут хоть плачь.

Как-то осенью в нерестовом пруду потерялась самка амурского сазана. В канун ледостава несколько суток дежурил Кондратьев над берегом в надежде хоть глазом увидеть редкостный экземпляр. Чего только не передумал! Шутка ли, везли из такой дали и вдруг на тебе — исчезла. Попади в ту пору браконьер — не упустил бы!

Эту самку выпустили с курскими карпами. Их тоже привезли за тысячи верст, чтоб прижились в хакасской степи. Надеялись, может быть, дальневосточная красавица и курские гости дадут свое поколение, новое, более приспособленное к местным условиям.

Всю долгую зиму рыбовод сожалел о пропаже. И как-то же было его удивление, когда пудовая сазаниха весной как ни в чем не бывало вырулила на солнцепек...

Теперь Кондратьев не без гордости подчеркивает, что в нагульных прудах уже несколько сот тысяч карпов новой породы — **камыштинских**. С точки зрения ихтиолога — у них свой экстерьер, растут они быстрее обычных карпов и, на зависть, благополучно переносят долгую зимовку.

Удивительное свойство этой рыбы — несколько месяцев обходиться без пищи. Всю долгую зиму! Кондратьев проделал такой эксперимент: несколько взрослых карпов осенью взвесил, пометил их и пустил в зимовал. А весной, как только оттаял лед, выловил. Вес почти одинаков. Значит, взрослых карпов можно держать в специальном садке и в любой зимний месяц подавать на стол в свежем виде. Исключительный продукт! А если сопоставить прямые затраты пропорционально приросту — **камыштинскому** карпу нет равных!

Он набирает силу и вес только за четыре месяца — с конца мая по конец сентября, так как остальное время из-за низких температур воды не питается. Зато в теплые дни карпу необходим достаток кормов. На килограмм привеса нужно пять килограммов комбикормов, то есть на рубль затрат — три рубля отдачи. За прошлый год, например, от реализации рыбы подсобное хозяйство получило около двадцати тысяч рублей прибыли — продано 47 тонн. Нынче получено в два раза больше.

Такие цифры и дела, конечно, радуют. Еще бы! На месте когда-то безрыбной речушки иметь столько рыбы! Но тут же ловишь себя на мысли: как еще мешает благим намерениям наше нетерпение! Если разводить рыбу — в первую очередь давай прибыль и как можно скорей. А нельзя ли по-хозяйски? Ведь любое совершенство создается годами. Здесь, на Камыште, потребовалось десять лет, чтобы наконец-то получить настоящего карпа. Зато теперь уверенно можно сказать, что здесь, в степи, создана рыбная база для разведения карпов во всех водоемах Хакасии. И не только в Хакасии.

Перед отъездом на Камышту мы встретились с директором подсобного хозяйства Борисом Федоровичем Попенко. Очень симпатичный товарищ. Какой-то человечный. И рачительный хозяин. Подобно Малееву, он бывает на прудах почти ежедневно. До Попенко на посту директора подхоза перебивало человек десять и ни один не прижился, причем хозяйство хирело и хирело, пока не принял его шесть лет назад Борис Федорович. И на второй же год дела пошли в гору.

Во время нашего разговора с Попенко к нему в кабинет зашел товарищ из Кемерово. С директором, видно, уже была договоренность, и гость прямо с порога начал о деле:

— Только сейчас наши летчики сделали возле озер пробную посадку. Все нормально. Значит, четыреста тысяч мальков можно забирать?

— А какая машина?

— Самолет АН-2.

Попенко глянул в справочник, тут же с кем-то переговорил по телефону в отношении бочек.

— Для перевозки четырехсот тысяч нужно восемь машин.

— Они готовы. В Кемерово ждут сигнала...

В соседней области начал разводить карпов ряд хо-

Свежие уловы карпов в первую очередь попадают на кухни шахтерских столовых.

Свежих карпов увозят в город вот в таких бочках.

зяйств целого треста. Уже в этом году шахтеры и металлурги Кузбасса планируют иметь несколько тысяч центнеров свежей рыбы из своих водоемов. В перспективе — сотни тысяч центнеров. Выгодно. Оправдываются затраты на перевозку молоди даже спецрейсами. Стоимость тысячи мальков — 40 рублей. Сюда входит их вылов, ваннные процедуры и погрузка. Подгоняй к прудам любой транспорт, плати, забирай мальков и выращивай их на здоровье.

— Любое хозяйство?

— Даже любители! — ответил Попенко. — Причем через год-два можем предлагать не только карпа, но и пелядь...

Творческий подход к разведению рыбы в Камыштинских прудах начался в основном с приездом сюда Кондратьева, который задался целью получить рыбное поколение, более приспособленное к местным условиям. Требовалось главное — порода должна быть продуктивнее обычных карпов. С этой целью с Амура завезли сазанов, из Курской области — карпов, а также чешуйчатых, зеркальных и голых карпов из водоемов Ужурского рыбхоза. Результат нескольких лет — карп **камыштинский**.

Но это не все. Кондратьев стремился с большей отда-

чей использовать в прудах естественные корма. Дело в том, что при одних и тех же кормах привес рыбы бывает разный, потому что каждая порода предпочитает «свою» пищу. Значит, если карп съедает один вид пищи, то другие виды остаются. Надо подобрать карпам таких соседей, чтобы они съедали оставшуюся пищу. Какую подобрать рыбу, чтоб она прижилась с карпами? Может, ершей? Но ерш к пяти-шести годам достигает веса только 60—70 граммов. Невыгодно. А вот пелядь такой вес набирает за одно лето. Разве сравнишь вкусовые качества ерша и пеляди! Словом, в прудах требовалось сформировать наиболее выгодное рыбное поголовье с высокой продуктивностью, чтобы использовать все богатства естественных кормов.

Попробовали вместе с карпами разводить чиров. Привезли 1000 штук икринок, вырастили молодь. Осенью чирята задохлись. Попробовали разводить ряпушку. Из двухсот тысяч икринок выклюнулись мальки, за лето выросли до 30 граммов, но осенью... погибли. Заразились ракообразными паразитами — ларнеозом.

Эксперименты продолжались. Причем не по наитию, а со знанием дела, потому что условия в Камыштинских прудах, в общем-то, подходят для многих рыб. Уж на что стерлядь любит проточную воду — и то прижилась. Правда, выпустили в пруды только 50 стерлядок, из которых половина погибла сразу же — не соблюли условий перевозки, — зато остальные здравствуют и поныне.

В конце концов Кондратьев пришел к выводу, что вместе с карпами хорошо приживется пелядь. Это доказывают и ученые. Но тут случилось непредвиденное — Кондратьева уволили. Якобы не обеспечил зимовку мальков, допустил большую гибель. А в ту зиму «обеспечить» было просто невозможно — сильные холода наслонили лед до полутора метров...

В общем, неоправданное обвинение — тот самый выговор, о котором сказал Малеев, круто изменило судьбу рыбовода. Почти в пенсионном возрасте человеку пришлось уехать из Черногорска в поисках любимой работы. Именно любимой, потому что этой профессии отданы многие годы.

Через три года странствий, будучи уже ведущим инженером одного из западных рыбозаводов, Кондратьев снова вернулся в Черногорск. Приехал навестить семью.

Узнав, что на Камыште дела из рук вон плохи, зашел к Малееву.

— Проходи, Тихон Макарович, садись... Какими судьбами?

— Да что говорить — разве без семьи судьба?

— Да-а... Погорячились мы. Надо бы директора гнать в шею, а мы тебя наказали. Предлагаю прежнюю работу — соглашайся. Без такого специалиста нам не обойтись.

Долгая была пауза. Обидели, а теперь приглашают. Но ведь семья...

— Хорошо, согласен. Надо поехать обратно, отчитаться и рассчитаться. Может, еще партийная организация не отпустит.

— Сколько дней нужно?

— Не знаю. Все хорошо — за неделю управлюсь.

— Давай. Дорогу оплачиваем...

И снова Кондратьев появился на Камыште, снова заботы, дела и надежды. А как же эксперименты с пелядью? Теперь в прудах есть и пелядь. Живет. Скоро первые тонны этой вкусной рыбы поступят в магазины города.

Кроме карпов и пеляди в хозяйстве прижились белые амур и толстолобики. Что это за рыба, почему и как она тут оказалась — об этом рассказ особый. Я написал его от Кондратьева почти дословно.

РАССКАЗ КОНДРАТЬЕВА

В книге «Угрюм-река» есть эпизод, как в резиденцию Громова издалека везли живого осетра. Намочили в спирте паклю и сунули осетру под жабры. Он опьянел. Через сутки, когда проснулся и начал бить хвостом, дали еще порцию спирта. И так несколько дней, с каждым разом увеличивая дозу «снотворного». А через несколько суток пути осетра выпустили в бассейн, и он поплыл как ни в чем не бывало.

Это, конечно, байка. Любая рыба без воды долго не проживет. Правда, мне не приходилось возить осетров — да еще так, как описал Шишков, — но как перевозить толстолобиков и белых амуров, некоторый опыт есть.

Белые и пестрые толстолобики, а также белый амур — это растительноядные рыбы. Они потребляют

те корма, которые гибнут без пользы во многих водоемах. Толстолобики и амурь едят камыши, иву, траву — подбирают у берегов всю зелень. Санитары. К тому же мясо их очень вкусное. Словом, рыба выгодная во всех отношениях. В рыбхозе Горячий Ключ, например, — это на западе — при выращивании в прудах только карпов с каждого гектара зеркальной площади воды брали по 8—9 центнеров товарной рыбы. А когда в этих же прудах поселили вместе с карпами растительноядных рыб, отдача увеличилась до двадцати центнеров с гектара. Вот и мы хотим иметь такую же отдачу со своих прудов.

В октябре прошлого года меня командировали за толстолобиками и белым амуром в Краснодарский край. Есть там Фастовецкий рыбопитомник. Откровенно, когда приехал туда, многие удивились: «Как, из Сибири? Да вы не довезете в такую даль ни одной рыбки!..» Масла в огонь подлили представители из Уфы: у них, оказывается, при перевозках гибнет до пятидесяти процентов толстолобиков и амуров. А ведь расстояние не сравнишь — от Уфы до Красноярска еще ехать да ехать. Растительноядные, по официальным сведениям, к дальним перевозкам не приспособлены. Что делать? И рыбу позарез надо и боязно — вдруг не довезу?

Посоветовался с одним специалистом, с другим. А вы попробуйте, говорят, может, проскочите до своей Сибири, в любом деле есть какой-то риск. Словом, настроили меня. К тому же один опытный товарищ порекомендовал живорыбный вагон залить донской водой, так как в Тихорецке, где предстояло грузить рыбу, для дальних перевозок вода не годится. Его совет был для меня проблеском надежды.

В общем, вагон залили на станции Батайск — это недалеко от Ростова-на-Дону, — вернулся я в Тихорецк, а тут непредвиденное ожидание. Десять суток. И жара. Днем печет, а ночью прохладно. Чтобы вода не нагревалась, днем вагон приходилось наглухо закрывать, а ночью двери и окна — нараспашку, чтоб сквознячок гулял. И так все десять суток.

Из Фастовецких прудов рыбу ловили и обрабатывали в ночь на 15 октября. Выдержали ее определенный срок в бетонированных садках с проточной водой, затем на машине перевезли к вагону. 450 килограммов белого аму-

ра — 555 штук — и 383 толстолобика. Всю эту рыбу выпустили в чаны с водой, товарищи благословили меня и попросили обязательно написать, как доеду. Им ведь тоже интересно — не каждый день отправляют рыбу в такую даль.

В Тихорецке было по-прежнему тепло. Рыба резвилась, иные даже выскакивали. Так миновал Луганскую область. Здесь наружная температура снизилась до четырнадцати градусов холода. Мои «пассажиры» приумолкли. Ну, думаю, начинается. В Пензенской области температура минус 12, в Куйбышевской — 11, в Башкирии — 10, в Омской области — 9, в Новосибирской — 8. И вот тут, в Новосибирске, отказала аэрационная система. С помощью этой системы в чаны с водой нагнетается кислород. Ну, думаю, влип. Пассажирский поезд, к которому должны прицепить мой вагон, предстояло ждать десять часов. Надвигалась беда. Вагон стоял без аэрации. Я не знал, что делать. Носился от вагона к дежурному станции и обратно, доказывал, умолял. Стоянку сократили на три часа. Как назло, не оказалось ни одного специалиста, кто бы мог наладить систему аэрации. До прицепки вагона к поезду оставалось четыре часа, затем три, два... Приближались страшные для меня минуты. Все толстолобики поднялись на поверхность и жадно хватали воздух. Осталось полтора часа. Многие толстолобики начали валиться на бок. Наконец, до прибытия поезда остался час. Все толстолобики свалились на бок, а некоторые уже плавали кверху брюхом. Тут я не выдержал: выскочил из вагона и первых встречных стал звать на помощь. Ведь эти рыбы стоят шесть тысяч рублей!

Нашлись добрые люди, вокруг бассейнов с водой сгрудилось человек двадцать. Вода забурлила. Аэрировали ее кто чем — кто руками, кто ведром... И тут нашелся один товарищ — до сих пор жалею, в суматохе не спросил, как его звать, — наладил аппаратуру, и вода стала аэрироваться. Примерно часа через два — уже в пути — рыба ожила. Я, конечно, повеселел.

Остановка случилась и в Ачинске, где три часа ожидали поезд девяносто третий. И тоже отказала аэрационная система. Но тут на помощь подоспел бригадир поезда Михаил Васильевич Гавриленко, который быстро наладил аппаратуру. Большое ему спасибо!

В общем, за пять суток пути не погибла ни одна рыба. На станции Капчалы — это ближний пункт от Камышты — рыбу перегрузили в специальную машину и отвезли в пруды. Перезимовала она благополучно. Теперь с Краснодарским рыбопромышленным трестом мы договорились о включении подсобного хозяйства в список постоянных клиентов, чтобы по мере надобности покупать у них толстолобиков и белого амура.

Дело в том, что при наших температурных режимах воды растительоядные рыбы в естественных условиях потомства не дадут. Это возможно лишь в системе реки Амура и Аму-Дарьи. Искусственно выращивают этих рыб только в Краснодарском крае и в зонах Среднеазиатских республик. В наших условиях нельзя получить мальков даже искусственным путем. Значит, впредь мы не будем брать производителей, а станем покупать только мальков и привозить их. Это выгодно. Выращенные толстолобики и белый амур, кроме того, что они очищают водоемы, хороши еще и тем, что это очень вкусная рыба. Мы сейчас настроены на то, чтобы каждый гектар наших прудов ежегодно давал не менее десяти центнеров рыбы. Это уже доказано и так будет.

* * *

Минувшей весной Тихон Макарович ездил за икрой пеляди в Тобольск. Чуть было не вернулся с пустыми руками. Суровая прошлая зима нанесла большой урон рыбным прудовым хозяйствам соседних областей, и тобольцы ни за что не соглашались дать «внеплановой» Хакасии даже сотню икринок. Но когда рыбовод заикнулся о **камыштинских** карпах, что-де у него миллионное поколение перезимовало благополучно, хотя тоже стояли крепкие морозы, и в обмен на икру можно дать тысячу триста мальков — тобольцы сразу же изменили тон: «Сколько вам надо икры?».

Кондратьев привез пятьсот тысяч икринок пеляди. Все они уместились в обычном чемодане.

— И сколько это стоит?

— Триста сорок рублей.

— А что они дадут?

— Из пятисот тысяч обычный выход мальков не более десяти процентов, то есть будущей осенью мы будем иметь минимум пятьдесят тысяч рыбешек весом около

пятидесяти граммов каждая. А еще через осень — это товарная рыба. Пятьдесят тысяч в среднем по двести граммов.... десять тонн свежей рыбы.

Пелядь выгодна тем, что не требует дополнительных подкормок, как, скажем, сазан или карп. Пелядь питается планктоном — всевозможные рачки, водоросли и микроорганизмы, развивающиеся в толще воды и на дне водоемов. Причем самки пеляди довольно плодовиты — до 85 тысяч икринок за нерест. Значит, на следующий год, с учетом ранее завезенных производителей, икру пеляди больше покупать не потребуется.

— А как же взаимобмен с тобольшами?

— Нынче весной отгрузили им двести тысяч мальков карпа. Два вагона. Пятьсот тысяч продали в Тюмень. Сто пятьдесят тысяч взял Абаканский рыбоучасток, еще сто пятьдесят заказали ужурцы. Спрос на нашего карпа очень большой. Нынче прилетали даже с Амура. Жаль, свои берут мало...

В Хакасии сотни больших и малых «диких» озер. Почему бы их не заполнить ценными породами рыб? Помеха — опять же наша нетерпеливость. Любому руководителю тут же хочется иметь отдачу. В области прошлой весной набралось с десятков хозяйств, которые приобрели на Камыште около ста тысяч мальков карпа. А нынче подали заявки лишь три совхоза на 25 тысяч. Почему мало? Да потому, что в прошлом году выпустили этих мальков на съедение хищникам. Если часть и осталась, то желаемые карпы — по килограмму весом — просто не выросли. Почему? Потому что их не подкармливали. А естественную пищу съели ерши, пескарй и другая мелочь. Выходит, прежде чем выпускать мальков в «дикие» озера, их нужно хотя бы элементарно подготовить.

А можно ли выращивать карпов без нерестилищ и зимовалов, без таких вот прудов и плотин, какие на Камыште? Скажем, если имеет колхоз на своей земле озеро.

— Можно! — утвердительно сказал рыбовод. — Только надо не пожалеть для очистки этого озера немного денег и хозяином озера назначить истинного рыбака. Да внушить ему, что он — хозяин! Чтоб не только досматривал за рыбой, но в первый год и близко не подпускал рыбака-любителя, который пришел к озеру без деревца-саженца. Вот чего не хватает нашим степным озерам!

Без леса они неприветливы и пустынно. А ведь даже в пустыне любой оазис кустится зеленью — неужто в родной степи нельзя обсадить озера? Поливать не надо, само озеро вдохнет силу любому деревцу. Тогда и выращивай тут рыбу. А хочешь — просто отдыхай у воды под деревьями... Если бы каждый рыбак-любитель к тому же озеру Красному приезжал с деревцем — уже давно бы там шуметь зелени! И рыба водилась бы разная. В конце концов, зелень — не только ведь украшение: пыльные бури в Хакасии губят посевы...

О многом еще говорили мы с рыбоводом и пенсионерами, которые страстно желают видеть любое степное озерко в кольце тополей и берез, а Кондратьев мечтает по берегам Камышты развести даже смородину и малину, чтобы вместе с рыбой отправлять в шахтерский город ягоду, а попутно — хорошее настроение.

Нынче на Камыште оборудуется зимовальник-садок — отгороженная часть пруда, откуда живых карпов можно брать круглую зиму. Дмитрий Петрович Малеев уже наказывает своим сотрудникам, бывающим в других городах, чтобы присматривали мрамор для оборудования специального рыбного магазина, где можно будет в любое время года купить живую рыбу. Пришел в магазин, глянул в аквариум: «Пожалуйста, поймите вон того...» Здорово, не правда ли? И так будет. Люди, с которыми я познакомился, любую задумку претворяют в жизнь.

Прощаясь, Кондратьев показал мне небольшую яблоньку.

— Прижилась, выбросила листочки...

Тоненький кустик зябко вздрагивает от степного ветра, гнет спину, того и гляди, сломается. И все-таки растет!

Обветренные руки старика любовно коснулись веток... Вырастет яблонька! Этот человек посадит здесь еще не одну — об этом говорили и рыбаки. А у каждого из них дома есть сад...

В Камыште запомнились обветренные горы, степная ложбина, лабиринт оголенных прудов, а у берега — седой человек небольшого роста и тонконогая яблонька. Может быть, следующей весной она зацветет. Всею свое время.

Одинокая яблонька и старик... Они навевают раз-

думья. В самом деле, мы часто говорим об охране природы, однако продолжаем обкрадывать не только фауну и флору, а в первую очередь — себя и своих потомков. Пожалуй, давно пора в любом обществе рыбаков и охотников учредить жесткие правила: едешь к степному озеру отдыхать — прихвати деревце, посади его там. В конце концов, за услугу платят. Даже природе. Она ведь у нас очень щедра, когда чувствует хозяйские руки. Пашня отзывается на заботу хорошим колосом, луг — добрым разнотравьем, озеро — обилием рыбы.

Сколько у нас еще нетронутой голубой целины...

